

ДЯТЛОВЫ ГОРЫ

ЮЛИЯ ИВАНОВА
Сценарист и писатель из Нижнего Новгорода. Окончила факультет журналистики и сценарную мастерскую Высшей школы режиссеров и сценаристов в Санкт-Петербурге. В 2016 году дипломный сценарий «Этой

ночью» выиграл конкурс форума «Таврида» и холдинга ВГТРК. В 2022 году сценарий «Рачок» вошел в шорт-лист конкурса, организованного фондом Александра Сонунова «Пример интонации». Как писатель публиковалась в «Литературной газете».

В те времена, когда ветра строили козни и шептались с могучими исполинами-тополями, а капризные реки задирали волны, поворачиваясь вспять, мордвин по прозвищу Скворец облюбовал одно волшебное место. Семь долговязых холмов сговорились, зажали в глиняных берегах сапфировую чаровницу Волгу и янтарную скромницу Оку, которые встретились у их подножья. Холмы извивались, лоснились, изумрудились, когда соседние земли сохли и морщились. Какая-то невидимая сила оберегала этот край от обнищания. «Гоже здесь жить!» – смекнул хитрый Скворец и остался.

Скворец был мужчиной видным. Когда-то он водил дружбу с могущественным Соловьем-Разбойником: колобродил вместе с ним по русским землям, грабил, хулиганничал, набивался в женихи первым красавицам. Одни девицы слушали его пышные речи и сами сбегали из отцовских объятий. Другие сторонились иноземца, отбивались, мучились. Но наступала ночь, и Скворец с товарищами, которые и жили, и умирали без царя в голове, врвался в дома и похищал невинных прелестниц. Они кричали-кричали да смирялись со своей участью. Так Скворец нажил большую семью: восемнадцать жен и семьдесят сыновей. А когда Илья Муромец прищучил его покровителя, Соловья-Разбойника, Скворец надумал бежать

и поселиться на стороне тихой, неприметной, где он мог бы затаиться и преспокойно доживать отведенный срок.

Песчинки прятались в глубоких кожаных складках, царапали подошву, хороводили на мыске, то взмывая в воздух, то срываясь вниз. Скворец, его восемнадцать жен и семьдесят детей много месяцев шли в поисках благодатной для жизни земли, но лишь резали ноги о высокий терновник, вязли в мясистой грязи или, как сейчас, закапывались в дюны. Жара нагорала на лбах. Самые маленькие мальчики висли на материнских руках, как худые тряпочные куклолки. Ребята чуть взрослее бежали впереди, вытянувшись в длинную струну, и, когда ландшафт менялся, струна натягивалась и звенела, передавая послание медлительному отцу, замыкающему строй.

- Смотри, холмы!
- Холмы, смотри!
- Смотри, смотри!
- Холмы, холмы!

Семью богатырями склоны возвышались над тихими речками. Они верховодили местными птицами, приказывали лесам, помыкали дикой живностью и, кажется, дышали каждой пористой клеточкой. Скворец втянул в каплевидные ноздри местную влажность, и в пазухи залился приятный сладковатый привкус, который напомнил о дет-

Вдруг земля вздрогнула и приподнялась. Под морщинистым слоем пробежали жаркие искорки. Они утоляли солнечный голод поникшей травы, насыщая жизненной магией. Вскоре Любимый Скворчонок заметил, что под ним уже не примятая жухлая травка, а ароматная и пушистая, словно зеленое облачко с желтыми прожилками из горицвета. Ветерок больше не тревожил. Мальчик скинул дырявую обувь, чтобы белесая кожа прижалась к весенней свежести и вспомнила, как по телу разливается благодать.

ских беспризорных годах, а еще – о подрагивающей дымке на закате и ягодных тропках. Он дома. Скворчихи с придыханием смотрели на своего повелителя, ожидая его справедливого суда. На горбатым лице показался бравый прищур, который был знаком многим из них по прежним лихим временам. Чуб закачался, а из-под него прокатились долгожданные слова: «Гоже здесь жить!»

И не было здесь никого. Только кукушки отличали округлые звуки, выбирая для песен самые укромные уголки леса. Только под низкой травой вертелись пучеглазые ящерицы, пугая впечатлительных юных жен, которые в чем мать родила ска-

кали вниз к прохладным водам, взбивая грубыми ступнями голубизну Волги и желтизну Оки. Только детский хохот вился, кудрявился, то иссякая, то вновь возрождаясь. Первые месяцы скворчата то и делали, что носились по вершинам, притворяясь сильными жеребцами, но не теми, что они видели на городских базарах оседланными и подкованными, а дикими, свободными, резвыми.

Любимый Скворчонок истоптал последнюю пару дубленой обуви, которая досталась ему от старшего брата, а тому – от его старшего брата. Когда он резвился на дальнем, седьмом холме, перепрыгивая с камня на камень, острый краешек минеральной породы чиркнул по измученной свиной коже и продрал пятку. Любимый Скворчонок по-отцовски пожал плечами и поплелся к хижине своей матери, которая умела приводить в порядок самые никчемные и потерянные вещи. Другие жены пользовались ее способностями и заваливали работой от заката до рассвета. Близилась зима, и трудиться приходилось все больше и больше, а новой одежды для суровой вьюги и снежных песен скворчихи до сих пор не приготовили. На многие километры они не увидели ни зайцев, ни лосей – меха не сыскать.

А холмы были лучшими охотниками. В осень они поймали прохладный ветерок и заключили в свои объятия. Ветерок хмурился, раздувался, как упрямый осел, но притерпелось ему, прижилось. Он бегал наперегонки с Любимым Скворчком, раздувал волосинки на его затылке, поднимал пушок на шее, щекотал мелкие мурашки. Изо дня в день дуновения крепчали и кололи все сильнее. Мальчик, чувствуя, что мощь ветерка усиливается, теперь старался быстрее спрятаться в лесочке, который грозил ветерку длинными ветками и не пускал в свои владения. И вихри крутились в одиночку, остужая землю и разгоняя по водной глади частую рябь.

Но сегодня Любимый Скворчонок бежал очень медленно. Его пяточка чмокала сырую побуревшую траву, леденя с каждым поцелуем. Вскоре мальчик так окошел, что почти врос в поверхность, не смея больше передвигать руками и ногами. Ветерок узнал старого друга, накинулся на него, заобнимал, завертел, и Любимый Скворчонок свалился на колени, умоляя острые порывы сжалиться над ним. Ветерок так раскричался, что слышал лишь собственный голос, а тоненькие возгласы мальчика уносились на север, как только срывались с губ. Мальчик согнулся, припал щекой к сырости умирающей зелени и приготовился ждать своего конца.

Скворчихи закудахтали, засобирались, стали волочить тощие пожитки и штопать вещи с невиданным усердием. Не хотели они делить холмы со злым магом. Не нужно им купаться в предрассветных грезах, чтобы видеть будущее, — умрут здесь скворчата от холода и голода, когда ягоды скиснут, а рыба уйдет под лед. Скворец поддался уговорам и принялся вместе с самыми крепкими сыновьями готовить провизию в долгий-предолгий путь. Ходили они по холмам, словно прощаясь с местами, которые не бросили, приютили, прокормили.

Вдруг земля вздрогнула и приподнялась. Под морщинистым слоем пробежали жаркие искорки. Они утоляли солнечный голод поникшей травы, насыщая жизненной магией. Вскоре Любимый Скворчонок заметил, что под ним уже не прямая жухлая травка, а ароматная и пушистая, словно зеленое облачко с желтыми прожилками из горицвета. Ветерок больше не тревожил. Мальчик скинул дырявую обувку, чтобы белесая кожа прижалась к весенней свежести и вспомнила, как по телу разливается благодать.

— Вот так волшебные холмы! — кричал его тоненький голосочек.

— Ишь, разорался! Ступай к матери, она с ног сбилась, тебя искавши...

В отдалении стоял старец в длинных одеждах. Он держался за тяжелый сук, который уходил корнями глубоко-глубоко в толщу склона и подерживал сухонькое тело незнакомца. Любимому Скворчонку показалось, что он горбат, а лик его был расколот на две половины — темную и светлую. Но под притким взглядом мальчика фигура стала меняться, вытягиваясь и хорошея. И вот перед ним оказался не старец, а крепкий мужчина со шрамом, проходившим по лбу, носу и рту: слева он улыбался, а справа — хмурился.

— Кыш! Иди! Прочь! Чего надобно? — запротестовал незнакомец.

— Надобно холмов, как прежде. Холодно, мерзнем. — Любимый Скворчонок протянул бывшему старцу свою истлевшую пару, доказывая, что он ни на что не привирает.

— Иди! Кыш! Прочь!

Незнакомец в балахоне сгрудил брови и зарычал диким зверем, перебросив сук из одной руки в другую. Мальчик попятился-попятился, а когда закончился зеленый покров под ним, вскочил, встрепенулся и бросился наутек, оставляя за собой тропку из пробивающихся соцветий. Дома он поведал отцу о встрече со старцем в балахоне. Рассказ заставил Скворца пригорюниться, уткнуть обветренное на реках лицо в горстку из пальцев и закачать чубом, приговаривая: «Горе нам, горе». Встревоженные жены обступили мужа, вонзаясь в него испуганными глазницами, — никто не хотел срываться с насиженного места и вновь уходить в долгое странствие.

Тогда Скворец поведал, что в прежние времена, когда он служил в урочище у Соловья-Разбойника, слышал легенду о волшебнике Дятле. Притаился он в местах сокровенных, укрытых от людской голотьбы мантией из заклинаний и наговоров. Многие нечистые на руку, кого хотели за злодеяния приструнить и наказать жестким судом, пытались найти эти потаенные земли. Говорили, что живая сила в них течет — на закате переливается светом огненным, на рассвете умывает небо грезами. И каждому, кто вторгался в имения Дятла, следовало убраться поскорее или принять недобрую участь. «Вот тебе и холмы. Холмы, холмы...» — повторял Скворец, стуча костяшками по сожженному лбу.

Скворчихи закудахтали, засобирались, стали волочить тощие пожитки и штопать вещи с невиданным усердием. Не хотели они делить холмы

со злым магом. Не нужно им купаться в предрасветных грезах, чтобы видеть будущее, – умрут здесь скворчата от холода и голода, когда ягоды скиснут, а рыба уйдет под лед. Скворец поддался уговорам и принялся вместе с самыми крепкими сыновьями готовить провизию в долгий-предолгий путь. Ходили они по холмам, словно прощаясь с местами, которые не бросили, приютили, прокормили.

Любимый Скворчонок увязался за отцом, хотя был самым хиленьким, но зато отличался острым слухом и веселым нравом. На берегу он подавал старшим снасти и следил, чтобы улов не унесли жадные речные птицы, кружившие над рыбаками с самого утра. И вдруг земля затряслась, стала пересыпать скопившийся на берегу песок обратно в Волгу и обнажать тектонические слои. Холмы дышали. Вдалеке Любимый Скворчонок опять увидел фигуру в балахоне, но так перепугался, что потерял дар речи. Горло сковалось, ждалось и издавало немощные хрипы вместо пронзительных криков, которые должны были оповестить братьев и отца об опасности. Но Дятла они так и не увидели. Он перебросил сук с правой хмурой стороны на левую улыбочивую и скрылся. В это же мгновение все поняли, почему почва разверзлась, – по холмам бежало неисчислимое стадо.

В хозяйстве у Скворцов появились козы, овцы, коровы. Холмы приняли большое семейство и обеспечили их мехом, мясом и молоком. В благодарность за доброту скворчата убирали сгнившую листву, которая мешала весной пробиваться юным росточкам, выкорчевывали пни, подкармливали птиц салом и семенами. Но вскоре злость поселилась в молодых сердцах. Каждый скворчонок желал прослужиться перед волшебными холмами и отвоевать участок для своей хижинки, да пожирнее. Стали братья спорить, драться и делить землю, нередко убивая друг друга. Тяжело было старому Скворцу смотреть, как уничтожаются его усилия, как истлевает скворцовская порода, и, чтобы прекратить братоубийство, вернуть мир и благополучие на холмы, отправился он искать мага Дятла.

– Что ждет сыновей моих? – спросил Скворец.

К этому времени Дятел совсем поплохел. Сук вонзил острые веточки в его сухие ладони, обвил тело, пустил корни в жилах, подпитываясь жидкой магией.

– Если будут жить в мире друг с другом, то будут долго владеть здешними местами, а если про-

должат злобу изрыгать, так и полягут все, один за другим.

Кричал и вопил Скворец, чтобы сыновья прекратили бессмысленные драки и переделы, но не услышали они отца и продолжили бороться, выгрызая пядь за пядью. Умер Дятел, умер Скворец. И холмы будто обмякли, испустили последний вдох – кончилась в них магия. Земли открылись для люда, и хлынули они толпами, заселяя сокровенные склоны, выгоняя с них скворчат. Последний из них, Любимый Скворчонок, не смог защитить свою хижину, бросился на копье пришлого мужика и погиб.

Утрами и вечерами слышали новые люди стук дятла, и прозвали эти места Дятловыми горами. Через годы здесь вырос каменный город – Нижний Новгород.

